

УНИВЕРСАЛЬНАЯ МЕТАТЕХНОЛОГИЯ ПЕРЕОРГАНИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ

П. Е. Вахренева

Воронежский государственный университет

Аннотация: Проблеме индивидуального существования в западной философии посвящены десятки работ. В отечественной философии эта тематика остается как бы вне поля зрения. Ей и посвящается данная статья, в которой прослеживается назначение метафизических концепций культуры индивидуального существования русской философии XIX—XX вв., выстраивающихся в их системном исследовании в универсальную метатеchnологию переорганизации культуры.

Abstract: Western philosophers devoted dozens of works to the problem of individual existence, whereas in Russian philosophy this topic remains out of view. The article analyzes functions of metaphysical concepts of culture of individual existence in Russian philosophy of XIX-XX centuries which form a universal metatechnology of culture reorganization.

Key words: Russian philosophy, metaphysical concept, culture.

Продолжающийся кризис человечности заставляет нас вновь перетряхивать наличность всего гуманитарного, человекоформирующего знания, ответственного за разумную длительность бытия. Культура вновь в ожидании новой пространственности, новых границ, новых форм, новых смыслов. Среди последних работ академика Д. Лихачева есть одна работа, которая согрета особым светом надежды и перспективы, — «У нас есть опыт преодоления падения культуры», где ученый обращает внимание на бесценный отечественный опыт возрождения культуры — опыт Серебряного века.

В условиях кризиса XIX—XX веков русская философия приходит к необходимости *универсальной переорганизации культуры*, подводя под нее вневременное основание — *культуру индивидуального существования человека*. Такое масштабное единство, с легкой руки Т.С. Куна (1922—1955), принято сегодня называть парадигмальным как в западной, так и в русской философии в силу его определяющего характера, хотя история помнит и другие основания: время, сознание, общественно-экономические формации, территория, нация, государство.

Специфика русской философии XIX—XX веков состояла в том, что почти во всех концепциях проблема человека рассматривалась не просто как проблема приоритетности природного человека, а как проблема личностной культуры его индивидуально-

го существования, обозначив тем самым *исторический способ доопределения бытия*. Поскольку решение проблемы не лежало на поверхности, необходимо было обосновать ее приоритетность перед другими рациональными основаниями: религиозными, экономическими, социальными, военными, политическими, историческими подходами, что и сделала русская философия XIX—XX веков [1, с. 301].

В нашей статье мы постараемся акцентировать внимание на сделанных русскими философами принципиальных открытиях, сквозных тенденциях, соединяющихся в философские основания — *универсальную метатеchnологию переорганизации культуры*, — и раскроем ее современные перспективы.

История отдельных личностей уходила в прошлое, выветив растущие объемы культурной исторической работы, с которой прежние исторические технологии «объектного существования» не справились. В поиске решений русская культурфилософская мысль не только дала широчайшую оценку кризисных явлений, не только провела анализ исторических тенденций существующих культурных систем, но и показала, что для решения проблем кризиса мало приоритета «природного», или даже «объектного», человека, что для выхода в новое качество исторического существования нужен человек, владеющий преобразующими способами отношения к действительности, — определив тем самым главное направление предстоящей исторической работы.

Необходимость масштабных преобразований широко обсуждалась и на Западе. Но именно русская философия обнаружила не только недостаточность прежних (*внешних, эволюционных, адаптационных*) подходов к человеку, но и вскрыла основную причину несовершенства истории и культуры — необходимость культурной реорганизации самого организующего начала культуры — человека.

В процессе анализа мирового кризиса, предпринятого русскими философами, сначала выяснилось, что не просто человек, а именно его культурное индивидуальное существование является онтологическим началом истории и культуры. Затем обнаружилось, что это онтологическое начало само не гарантировано никакими эволюциями, а значит, должно быть вновь воссоздано культурой. Затем и вовсе вскрылся историзм всех форм культуры, даже таких, как христианство и православие, и встала необходимость исторической реорганизации обеих, неразрывно связанных друг с другом онтологических начал — и человека и культуры. Это и определило новую глубину, новую стратегическую направленность подходов, новые цели, методы, средства и критерии выхода к новой технологии культуры. Так состоялся масштабный выход всех представителей русской философии к единому онтологическому основанию, соединяющему иерархию времен и культур, — проблеме культуры индивидуального существования. Здесь же берет начало общая тенденция углубления понимания сложности технологии новой культуры.

Отмеченная сложность технологии потребовала рассмотреть сначала историческое состояние самого онтологического начала. Что здесь сделала русская философия в лице рассмотренных представителей? Она осуществила уникальный методологический прием, благодаря которому был найден принцип изменения самого типа организации культурной системы. Философское значение его состояло в том, что в результате его применения внешние формы организации культуры и истории могли быть преобразованы изнутри, через преобразование безличных форм в личностные формы.

Вследствие этого изменились и принципы объективной организации всех социальных систем на субъективные, спаяв культуру и нерешенные проблемы индивидуального существования в задачу культуры индивидуального существования. Тем самым русская философия обнаружила необходимость принципиально *новой расстановки культурных приоритетов*. Ибо прежние приоритеты: *производство, экономика, цивилизация, воля, созна-*

ние, природная данность и даже сверхданность — были лишь частичным измерением исторических проблем, которое давало важное, но одностороннее, а значит, несовершенное их решение, где проблема сущностного преобразования онтологического начала всех преобразований — человека — оставалась вторичной, а его индивидуальное существование — объектным.

Поскольку в оценках наследия русских философов обычно акцентируется внимание на разнообразии подходов, подчеркнем их *единство*, которое достаточно рельефно обозначилось именно в единстве смыслового основания, выступающего как системообразующий центр близких идей.

Назначение этого *единого культурного основания* — решение проблем кризиса культуры через культуру индивидуального существования, ибо кризис был квалифицирован русской философией как кризис человечности, что прослеживается во всех концепциях этого периода. Основная цель развития этого сущностного основания и определяла стратегическое направление выхода из кризиса — личность. Во всех рассмотренных концепциях практически сохраняется этот единый алгоритм взаимосвязи основания и цели, что позволяло далее говорить о содержательной полноте этой сущностной связи, по отношению к которой все концепции представляются сегодня как частный случай ментального многообразия одного сущего, как относительно самостоятельные направления одной тотальной задачи — непрерывной исторической реорганизации культуры. Поэтому можно их рассматривать и как *подсистемы одной культурной системы*, задающей новое смысловое пространство, где подобие подсистем достигается разными средствами возвышения общечеловеческих начал.

Следует отметить, что диапазон мысли русской философии выразился не только в постановке новых целей существования, но и в спуске к основаниям общественной системы, в глубину «природного» существования — Ф. Достоевский, Л. Толстой, В. Розанов. Преодолевая абсолютизацию отдельных направлений: социального и культурного развития, — русская философия соединяет «природный» и «культурный» миры в возможность нового качества существования, ибо даже гениальность, святость и героизм оказались недостаточными, слишком редкими явлениями в условиях ускорения истории и новых ее *масштабов*. Фактически это и предопределило переход всей русской философии к *разработке методологических оснований культуры субъективно-личностного сущес-*

тования, в котором критерием становится личность, а критерием самой личности — творчество как способность продолжить культуру.

Достижением русской философии стало и выявление развивающего характера самой сущности культуры — культуры индивидуального существования. Не случайно в концепциях всех представителей русской философии сущность личности дана лишь в возможности и требует формирования. Поэтому у всех авторов Серебряного века *жизнь рассматривается как метод развития сущностных сил*, не заданных, а формируемых, что является основной формой противостояния небытию, где *фазы бытия — это и есть явления растущей сущности*. У всех прослеживается эта возможность изменения бытия через своеобразие индивидуального воплощения сущностных структур (выбор, всеединство, достоинство, свободу, самостояние, ответственность, творчество), определяющее новую организацию личности и новую культуру индивидуального существования.

Для всех характерно решение общей проблемы целостности личности, разработка перспектив исторического развития полноты бытия. У всех просматривается сохранение приоритетности в развитии личности исторических, традиционных форм культуры индивидуального существования, выработанных в культурогенезе. Вначале — отношения, сознание, деятельность, затем — более сложные формы организации духа: всеединство, ответственность, творчество. У всех и цивилизацию и культуру нужно строить изнутри личности, т. е. через возвышение культуры индивидуальных способностей личности.

Разность потенциалов исторического развития социальных форм и индивидуального их воплощения в человеке, многократно прослеженная всеми персоналиями на анализе образования, культуры, религии, форм сознания, государства, политических режимов, экономики позволила выделить новое организующее начало, подлежащее развитию, — личность. У всех рассмотренных представителей личность — точка прорыва в будущее.

Если учесть, что в течение многих столетий человечество мыслило в категориях безличной необходимости, выделение этого содержательного системного, надклассового, наднационального, надконфессионального центра новой, субъективно-личностной модели мира, несомненно, определяет переход к новым программам развития и культуры. Все методы и принципы этой новой организации культуры — через культуру индивидуального су-

ществования в полном соответствии с самыми современными принципами живых, самоорганизующихся систем, вследствие чего отчуждение необходимости превратилось в необходимость, поскольку самым необходимым становится творчество человечности. Ибо *человек культуры* становится основной детерминантой всех преобразовательных процессов, определяющей новое качество существования.

В результате разработки философских оснований субъективно-личностного бытия русской философии удалось «освободить» историю от нагромождения объективных законов, перекрывших живое развитие истории, вскрыв их субъективное начало, реабилитировать это субъективное начало, наполнив его напряжением другой необходимостью — индивидуального творчества. Поэтому так важен был сам механизм (методология) раздвижения исторического пространства, где все проекции определяются уже личностным уровнем культуры.

Следующим методологическим достижением русской философии стало историческое расширение культурного пространства через выдвигание новых абсолютов как нового пространства индивидуального творчества. Не случайно у всех представителей русской философии проблемы анализируются в двух планах, двух уровнях — широком, абсолютном, целевом, универсальном решении и его конкретной интерпретации, определяя методологию содержательного наполнения исторического пространства новым качеством существования. Этому и служат указанные направления выхода из всех исторических трагедий и несовершенств через выдвинутые идеалы: всеединство, творчество, красота, ответственность, человеческое достоинство, — которым подчиняются все принципы и методы новой личностной культуры, наполняющие все концепции русской философии XIX—XX веков.

Вскрыв объектные, средовые, силовые подходы как тупиковые, промежуточные, бесперспективные ветви социальной истории, русская философия развернула вектор истории от безличного существования к личному, предложив все объективирующее человека пространство превратить в непрерывное творчество красоты через новое качество существования. Нельзя не видеть, что все идеалы динамичны, подвижны, работают как крупные культурные формы в усложнившемся, вероятностном пространстве разнонаправленных сил, сохраняя одновременно и значимость промежуточных целей. Все идеалы и принципы стянуты в единство тотальным *принципом жизни*, указывающим на-

правление и качество исторического движения и соединяющим текущее несовершенство и мечту. Главное назначение этого принципа — соединение в развитии всех уровней положительного, становящегося человеческого бытия, предохраняющее от распада материальной и духовной жизни, гуманитарного и естественно-научного знания. Он соединяет все формы сознания, все виды деятельности, все формы культуры, права, политики, творчества. Высота этого принципа — творчество — и определяет средства выхода в новое качество существования. Все эти средства должны стать личностными, где *личность* — это не то, что фонтанирует избытком природных сил и страстью, а то, что их преобразует в творчество, не то, что освободилось от культуры, а то, что в ответе за каждую высоту культуры и ее продолжение [3, 224].

Итак, культура индивидуального существования как системный феномен и одно из центральных понятий, выработанных на основании наследия русских философов XIX—XX веков, обнаруживает высокую методологическую философскую значимость, актуализируя необходимость субъективно-личностного освоения действительности. Это, в свою очередь, делает возможным разработку новых культурных программ индивидуального развития по всем направлениям современной социальной практики, определяя самостоятельное направление исследований.

Все концепции культуры индивидуального существования способны стать мощным методологическим основанием решения практических проблем продолжающегося современного кризиса человечности, среди которых — энтропийные процессы личностных форм: наркомания, разврат, преступность, произвол, понижение культуры, стихийность, а также, измельчание человеческого типа, суицид.

Современная значимость нового культурного смыслового пространства, выдвинутого представителями русской философии, состоит в том, что оно не просто *определяет долговременные принципы, методы, критерии, смыслы, другой, субъективный порядок бытия*, преодолевающий все формы объектного существования. Это важно. Но все дело в том, что все эти структуры, принципы, способы и порядки требуют продолжения культуросозидания — непрерывного индивидуального творчества. Это и есть ответ на главный шелеровский вопрос, оставшийся без ответа в западной мысли, — «как возникает культура?». Тем более значимо, что в европейской философии и сегодня

под субъективным порядком существования понимается освобождение от культуры и удовлетворение первичных, утилитарных интересов, то, что Н. Бердяев определял как свертывание человеческого существования, тогда как развитие исторического пространства культуры осуществляется через «развертывание» культуры субъективного существования.

Это диктует настоятельную необходимость продолжения изучения наследия всех мыслителей с точки зрения выдвинутого основания и их целей, ибо это будет определять формы и виды культурной работы по всем направлениям социальной практики, которые предстоит переориентировать с точки зрения их личностной организации, станет базой соединения усилий естественно-научной и гуманитарной (человекоформирующей) картины мира с человеком в центре.

Единство основания и цели подсистем русской философии дополняется и единой методологией. Самими авторами она определяется как *метод единства организации живых систем*, в который погружаются все исследуемые пространства: научные и религиозные системы, философские направления, классовые движения, исторические эпохи, времена, культуры, цивилизации, социальные системы, структуры и формы развития индивидуального существования.

Суть метода состоит в том, что все структуры, включая духовные, подчиняются принципу развития, сохраняя самостоятельное значение как подсистемы живого организма. Основным признаком органики на социальном уровне определил уже К. Леонтьев — *рождаемость новых рождающих форм красоты*. Это и есть жизнь — самый главный, общий для всех рассмотренных форм и подсистем принцип. У всех можно проследить его воплощение в непрерывности развития (цветения) индивидуальных культурных форм. Каждая концепция предполагает самостоятельность творческого конструктивного пространства, сохраняя при этом общую цель — развитие личности. Ядро проблемы у всех — вскрывшаяся незаданность личности и необходимость индивидуального многоступенчатого формирования ее культурной сущности в пространстве культуры.

Для всех характерно вероятностное понимание этого пространства, где все проекции универсального сущего (красота, всеединство, свобода...) воплощаются в его разных формах в зависимости от творческих возможностей отдельной личности. У всех историческое развитие сущности человека

предполагается через возможность ее выражения на множестве начал и в их отношениях. Этот общий для всех прием выработки идеалов вполне соответствует современной математической теории множеств и предельных процессов.

У всех за точку отсчета берется единое усовершенствованное абсолютное начало, выступающее как среда моделирования, в соответствии с которым упорядочивается система соподчиненных начал несовершенной, конкретной, эмпирической действительности. Так, у К. Леонтьева через принцип красоты и метод действительной жизни вычленяется весь набор средств, определяющих личностное существование. У В. Розанова через цели преодолеваются все виды несовершенств, и осуществляется выход в потенциальную Вселенную возможностей. У Л. Шестова через индивидуальное творчество и ответственность за свое назначение пространство трагедии превращается в пространство надежд. У Н. Бердяева через принцип личного средостояния и непрерывность творчества преодолеваются все формы личного апокалипсиса.

Алгоритмичность методологии настолько универсальна, что сопряжение множественности начал даже оценить современными средствами обоснования пока не представляется возможным. Ибо сама модель сопряжений таких ценностных систем основывается на сетевой модели рациональности, включающей взаимообусловленность объяснения, интерпретации и понимания, при которой обоснование «течет» в обе стороны: обосновываемого и основания.

Интересно, что в ходе обоснования удивительным образом преодолеваются парадоксы целостности, ибо все системы открыты. Преодолеваются герменевтический круг с его диалектикой части и целого, генетический круг с его взаимозависимостью понятий и даже эпистемологический круг с его индукцией, дедукцией и зигзагами обоснования Л. Витгенштейна, а также метод последних приближений Карнапа, где сам метод согласования начал: онтологических и субъективных, сущностных и бытийственных, абсолютных и воплощаемых — по мере разворачивающихся процессов множественного сопряжения сопровождается все увеличивающейся трансрефлексией модификаций.

Даже сам процесс сопряжения (согласования, критики промежуточных оснований) предстает как естественный процесс развития в условиях вероятностного существования, что выражается во взаимопроникновении понятий, возрастании удельного веса одних начал, убывании других и добав-

лении новых. В результате мы каждый раз наблюдаем новую систему сопряжения, которая выступает как подсистема ко всем другим, а при необходимости и как основание.

Несмотря на все многообразие и сложность сопряжений, любая из рассмотренных систем открыта в дополнительность подходов и, что не менее важно, готова принять незавершенные формы человечности. Каждая подсистема отражает относительную полноту развития завершенных процессов, где сопряжение начал протекает в двух режимах: сначала становление культуры внутри подсистемы, затем синтез возможностей и скачек в новое качество существования. Такое поведение системы наблюдается только в теории предельных процессов, где согласование исторического развития от нулевого состояния до усовершенствованных абсолютов достигается через органический синтез. Все способы индивидуального созидания при погружении в это пространство приобретают личностный, творческий характер, причем каждая проекция единого основания требует использовать не только ресурсы одномоментного существования, но и выступает как абсолютная историческая программа, определяющаяся полнотой сущего.

Теоретическая значимость наследия высвечивает новые объемы практической работы по реорганизации всех сфер общества в личностные, ибо все современные проблемы и противоречия переместились в сущность личности, требуя разрешения, как и предсказывала русская философия. Успех всех культурных и социальных программ все явственнее зависит от высоты культуры личности и ее способности продолжить историю, поскольку человеческая история есть история самосозидания. Это предопределяет не только особую практическую значимость наследия русской философии, но и *новый классификационный критерий* оценки специфики и значимости наследия русской философии в мировой философии — личностный, а также *новый классификационный критерий* исторической переоценки *мирового наследия философии — развитие личностной культуры человека* с целью вычленения средств, за счет которых состоялось возвышение мировой истории.

Представленный анализ позволяет во всех учебных пособиях выйти на *новый уровень понимания наследия* русских философов как целостной живой, развивающейся, синергетической, открытой системы систем, наполненной *потенциальностью и многовекторностью* подсистем, определивших новое *неосвоенное пространство*

личностной культуры. Это позволяет использовать полученные результаты в преподавании всех гуманитарных дисциплин, предопределяя возвышение всех уровней культуры, всех срезов бытия и способов существования.

Это выдвигает *новый, субъективно-личностный принцип организации истории и культуры*, назначение которого — привести все контексты индивидуального и личностного существования в движение, преодолеть стихийный (непредсказуемый) порядок истории, развернуть ее к личностному существованию, что также позволяет реализовать *методологическое единство гуманитарной и естественно-научной картины мира*, в центре которой человек.

Правда бесосновности и негарантированности личности преодолевает все средовые подходы, тенденции естественной автоматической предзаданности и открывает *выход к новым, личностным технологиям* образования, культуры, науки, экономики, всех видов социальной практики, в которых под *саморазвитием* понимается *самим человеком организованное развитие*, ибо вся глубина сущности должна быть сформирована.

Таким образом, наследие Серебряного века выдвигает неограниченные перспективы и глубинные задачи его применения. *В философии* предложенная методология будет управлять дополнительностью подходов, соединяя усилия всех направлений. *В науке* — помирят естественно-научную и гуманитарную картины мира. *В социальных технологиях* — преодолет адаптационные подходы, аннигиляцию личности и надежды на генетический код и психоанализ и начнет формировать все возможные и «невозможные» уровни *личностного бытия*. В культуре — защитит все уровни культуры как универсальные формы поддержки человека и уникальную технологию становления человеческой сущности, переподчиняя все сферы жизни общества — личности.

В образовании эта технология может быть понята как новый уровень комплексного подхода к непрерывному образованию и, прежде всего, к философии образования, где остро ощущается необходимость перспективной методологии личности, не менее масштабной, чем история методологии сознания, деятельности, связей, отношений, т.е. структур, составляющих и определяющих формируемое ядро человеческой сущности. Философия присутствия М. Мамардашвили, став квинтэссенцией многовекового поиска русской философии, доверительно советует: «Здесь нет ничего

сложного. Всякое начало живет за счет повторения. Значит, *повторить придется* именно онтологическое начало — человека, себя, ибо именно это усилие является условием перехода из одного промежуточного пространства истории и культуры в другое» [4, 112].

Проблемное поле культуры индивидуального существования человека в концепциях русской философии XIX—XX веков позволяет сделать также ряд выводов, касающихся *субординации философских оснований новой личностной культуры*.

1. Итак, глубоко освоив западноевропейское философское понимание взаимосвязи культуры и человека, русские философы исходят из *самостоятельных методологических позиций*. С одной стороны, интегрируя исторический опыт отечественной культуры, русская философия вместо объектных и рационалистических подходов развивает целостные подходы к человеку, определяющие сущностные основания новой субъективно-личностной культуры. С другой стороны, она отработывает принципы, методы, критерии, определяющие личностную технологию этой культуры. Обе тенденции делают наследие русской философии весьма актуальным и методологически для нас важным как фактор социокультурного наследования.

2. Сама *традиция взаимосвязи человека и культуры* в силу бесосновности обеих начал приобретает жизненно важный, порождающий характер и выглядит в русской философии в отличие от западной как актуализированная форма трансляции социокультурного опыта. Отсюда — современная значимость *философских оснований культуры*, выработанных отечественными философами, ибо эти основания определяют не только правильный вектор культуросозидания, но и *новый, личностный порядок* взаимосвязи культуры и человека. Этот порядок и выступает как необходимое *методологическое основание культуры индивидуального существования*, определяя ее новое качество в условиях полярности человеческого существования.

3. *Культура* мыслится как универсальный изобретенный способ человеческого существования, первоосновная, живая, рождающая форма, сама требующая непрерывного продолжения. Философские основания, представленные в *моделях культуры индивидуального существования*, не только включают исторический потенциал культуры, но и определяют механизм ее исторической реорганизации в личностные формы. Не случайно у

всех русских философов основным признаком жизни на социальном уровне является рождаемость новых культурных форм, где *культура индивидуального существования* означает *способность продолжить развитие культуры*, принцип, определяющий ее организацию.

4. *Философия* рассматривается как универсальная методология преобразования культуры и человека через самого человека. Назначение философии — развитие персоналистического стиля мышления, воспроизводство взаимосвязи культуры в целом с культурой индивидуального существования, выявление перспектив и механизмов личностной культуры. Поэтому вся русская философия сосредоточена вокруг проблем человека и входит в основания культуры индивидуального существования.

5. *Культура индивидуального существования* — системный феномен, *принцип реорганизации культуры*, вбирающий сущность, а значит, и назначение культуры в целом. Теоретическая содержательность этого понятия в русской философии не только отражает ее антропологическую специфику, но и обнаруживает высокую методологическую значимость, актуализируя необходимость субъективно-личностного освоения действительности. Сложность в том, что сама сущность личности дана лишь в возможности и тоже требует формирования. Поэтому понимание культуры индивидуального существования связано у русских философов с выбором жизненно важных целей, смыслов и идеалов, которые выступают как новые *универсальные критерии и векторы культуросозидания*.

6. Важнейшими регулятивами в границах смыслов личностной культуры выступают *методы личностного существования*, посредством которых культура может быть усовершенствована. У Ф. Достоевского это выбор своего человеческого назначения, у В. Соловьева — завоевание жизни через духовное преображение сущностных сил человека, у В. Розанова — целевая организация личности, у Л. Шестова — личная ответственность за свою судьбу, у К. Леонтьева — личное творчество красоты, у Н. Бердяева — личностное самостояние и непрерывное творчество.

7. Особенно значимыми представляются *принципы культуры индивидуального существования человека*, определяющие сущность и магистральные направления (технологии) преобразования культуры в целом. Общее их назначение — удерживать культурный вектор человекосозидания, продолжив его. Принципы культуры и есть *основное достижение русской философии*. Выступая как

методологические программы непрерывного творчества, они представляют собой *согласованный проект новой личностной культуры*. Управляя свободой творчества, дисциплиной мысли, требуя осознанности выбора, ускоренного освоения окружающего бытия, личностного самостояния и творчества красоты, они дополняют друг друга и направлены на освоение глубины человеческих возможностей.

8. Принцип творчества выступает как *ведущий принцип личностной культуры* и *основной признак личности*, где *личность* — это не то, что фонтанирует избытком природных сил и страстью, а то, что их преобразует в творчество, не то, что освободилось от культуры, а то, что «в ответе за каждую высоту культуры и ее продолжение». Творчество мыслится в неразрывной связи с культурой в целом и с творчеством окружающих людей, что ставит задачу социокультурного конструирования реальности.

9. Культура индивидуального существования обнаруживается как *системообразующий центр* генерирования новой, исторической, субъективно-личностной модели культуры, определяющий выход ее на новый уровень существования через пересмотр организующего начала, соединяющий все векторы и направления культурной работы. Его содержание и определяют цели, идеалы, принципы, методы как *философские основания культуры индивидуального бытия человека*, над которыми работала русская философия. Их смысловая высота — личность. Это дает возможность соединить позиции всех авторов в *систему теоретического обоснования новой личностной культуры*, определяющей личностную организацию всех общественных структур, где личность и есть критерий качественного переопределения созидательного пространства.

10. Все универсалии этой культуры выступают как *методологические образцы русской культуры*, транслирующие спрессованный в них опыт тысячелетий. *Всеединство, метод действительной жизни, свобода творчества, выбор, красота, ответственность, достоинство, самоорганизация, личностное самостояние, культура соборности* — все эти категории и принципы отображают важнейшие исторические ценностно-смысловые ориентиры русской культуры. Выступая как *принципы непрерывного культуротворчества*, они соединяют все ценности наследия в личность.

Алгоритмичность вскрываемой *метатехнологии* новой культуры превосходит теорию множеств в математике: универсальное мышление в

образах, соединившее все культурные формы поддержки человека на пространстве истории в «иконостас» новых смыслов и надежд, где каждый — «иконописец». И каждый сохранил единственность и возвышенность предназначения человека, и каждый готов отвечать за все, что произошло и произойдет с Россией, воплощая свою неповторимость в сущностный образ личностной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства / Н.А. Бердяев. — Соч. : в 2 т. М. : Искусство, 1994.
2. *Гиренок Ф.И.* Патология русского ума: картография дословности / Ф.И. Гиренок. — М. : Аграф, 1998. 416 с.
3. *Леонтьев К.Н.* Избранные письма / К.Н. Леонтьев. — М. : Начала. 1992. — 318 с.
4. *Мамардашвили М.К.* Мой опыт нетипичен / М.К. Мамардашвили. — СПб. : Азбука, 2000. — 496 с.